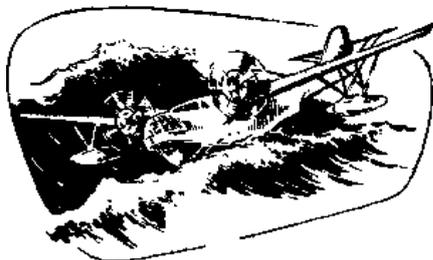

ОСТАНОВЛЕННАЯ ВОЛНА

Рассказ

Занявшаяся заря отражалась в реке, и вода казалась оранжевой.

На берегу несколько человек заводили сети.

Мой попутчик Нетаев, молодой штурман дальнего плавания, направлявшийся, как и я, на «Георгия Седова», должен был сменить на корабле заболевшего помощника капитана. Нетаев ушел к начальнику аэропорта и долго не возвращался.

Я решил посмотреть на рыбаков и спустился к ним. Несколько человек тянули сеть по берегу, а их товарищи в брезентовых робах, зайдя в реку по грудь, медленно шли в ледяной воде.

Сеть вытянули на песок. Рыба шевелилась в ней, как живое серебро. Я никогда не предполагал, что на Дальнем Севере ловится столько разной рыбы. Тут и корюшка, и навага, и даже камбала, которая, как мне казалось, живет только в южных морях. Иногда попадалась небольшая безобразная рыбешка. Ее с отвращением выбрасывали обратно в воду. Это морской черт. Он похож на сказочного лешего, только маленький.

Наконец вернулся Нетаев. Лицо его было спокойно, но голубые глаза выдавали волнение.

— Несчастье на острове Угаданном! — явно сдерживаясь, ровным голосом проговорил он.

Рыбаки подошли к нам. Несколько проворных рыбешек выскочили из сетей и, судорожно подпрыгивая, добрались до воды.

— Пропали зимовщики — механик Гордеев и второй радист Панов, — сказал Нетаев.

— Как пропали? — забеспокоился старый рыбак с серо-желтыми усами.

— Пошли охотиться на нерпу, и со вчерашнего дня нет...

— Беда-то какая! А искали? — слышались голоса.

— Искали. Шли по лыжне. Лыжня обрывается у кромки льда.

— Стало быть, остались на льдине, — сказал старик и снял шапку.

Голова у него была изжелта-седой.

— А погода там какая? — спросил молодой рыбак в солдатской шинели.

— Шторм.

— Значит, шторм и отломил льдину.

— Только двое их?

— Двое. Собака еще с ними. Продовольствия нет.

— Горе-то какое!.. Арктика — она лютая да поворотная. Погибли ребята беспрерывно. Поди, молодые? — сокрушался старик.

— Молодые.

— Вы Баранова ждете? — спросил нас демобилизованный.

— Баранова.

— Вот если бы Баранов...

— Да, если бы Баранов! — согласились окружающие.

Мы шли к аэропорту. Я думал о пропавших зимовщиках. До острова Угаданного тысяча километров. Рыбаки отнесли к несчастью на далеком острове так, словно оно произошло в крайнем доме поселка.

В аэропорте мы узнали от радиста последнюю новость. На остров Угаданный только что вернулась мокрая собака... одна, без охотников. На шее у нее ножевая рана.

Что же произошло на льдине, когда штормовой ветер тащил ее вдоль острова? Кто скажет?..

В небе показался самолет. Сначала он походил на черточку. Потом превратился в красавицу-птицу с застывшими в полете крыльями.

Птица скользнула по воде, грудью разрезая оранжевую гладь. Появились два буруна с седыми гребнями.

Два вращающихся с ревом винта казались блестящими дисками. Линия крыльев была много выше корпуса лодки, напоминая тело

чайки. На концах крыльев появилось по поплавку, один из которых уже касался воды, вздымая пену, а другой еще шел над гладью реки.

Летающая лодка развернулась и стала приближаться. С берега от бензиновых цистерн шли мостки. Работники аэропорта, в кирзовых сапогах и ватниках, уже тянули шланг.

— Почему здесь заправляемся, а не на Диком? — спросил плечистый пилот, выходя из шлюпки на берег.

Мы уже знали его. Это Матвей Баранов.

Вместо ответа начальник аэропорта протянул пилоту радиogramму. Летчик взглянул на нас, кивнул и углубился в чтение.

У Баранова были крупные черты лица, глубокие складки у губ, мохнатые брови. Лицо его могло показаться суровым, если бы не ямка на подбородке, как-то смягчавшая его. Как всем пилотам, ему приходилось часто прищуриваться, напрягая зрение, и от уголков глаз к вискам разбегались веером мелкие морщинки.

— А я хотел заночевать, влажность в твоём буфете убавить, — сказал он начальнику аэропорта и улыбнулся.

— Думаю о другом, — покачал головой начальник, старый пилот, давно переставший летать. — Ведь ты четырнадцать часов в воздухе.

— Надо осмотреть и проверить моторы, — сказал Баранов и обернулся к своему спутнику. Тот вытаскивал из шлюпки какие-то мешки. — Костя, грузи обратно. Сразу полетим!

— Полетим? А заправка?

— Не видишь? Цистерны...

— Это посуда не для той заправки! — озорно блеснул глазами Костя.

Рядом с командиром корабля Костя казался маленьким, шустрым. Это про него рассказывал нам начальник порта.

Во время войны Костя был военным летчиком. Не раз имел взыскания за авиалихачество и попал на исправление в железные руки Баранова. Они сдружились. Однажды, когда Костя вернулся с задания, он лег спать, и Баранов, отправляясь на вечеринку, не мог его

разбудить. Костя проснулся и, обнаружив, что Баранов, оставил его, отправился в один из кабинетов школы, в которой стояла часть, принес человеческий скелет и положил его под одеяло приятелю. Вернувшийся Баранов в ярости стащил Костю с кровати. Конечно, это не нарушило их дружбы.

Баранову как-то пришлось спрыгнуть с подбитого самолета на парашюте; Костя, чтобы помочь другу, сел на своей машине на болотистую тундру «на брюхо». Рация была повреждена, и летчики не могли дать о себе знать. Неделю они делали взлетную площадку, выправляли поврежденный винт и все-таки прилетели на свой аэродром, где их считали погибшими...

Шлюпка направилась к летающей лодке. Механики занялись моторами. Баранов подошел к нам, поздоровался, предложил закурить. Вокруг нас собрались ребяташки из рыбацкого поселка. Один из них — черненький ненец — был в крохотной настоящей кухлянке, в которой ему, верно, было очень жарко.

Я догадывался о содержании радиограммы и с интересом наблюдал за Барановым. Летчик часто поглядывал на готовящуюся к полету лодку, но лицо его было непроницаемо. Он шутил с ребяташками, потом протянул им кожаный портсигар. Ребята ахнули от изумления и отрицательно замотали головами. Баранов рассмеялся.

— Вот всегда так. Папиросы интересны, если их прячут. Ладно, возьмите... на память!

Ребята так и не взяли папирос. Баранов обернулся к нам:

— У меня двое таких же сорванцов. Я им каждому по серебряному портсигару подарил. Наверняка курить не будут. Только запретный плод сладок. Вчера получил от них радиограмму. Ждут живого медвежонка. А я им кусок диковинного угля привезу. На острове одном нашли. Уголь как будто бы и каменный, а легкий. Почему вы стоите? — вдруг переменил он тон. — Где же ваши вещи? Задерживаться нельзя...

Мы пошли за вещами. По пути нам удалось кое-что узнать о Баранове.

Почти пятнадцать лет он летает в Арктике. Зиму живет с семьей в Москве, испытывает там самолеты, но как только начинается арктическая навигация, летит на Север и возвращается только по окончании навигации. Мечтал о зимних полетах в полярную ночь, помогал сделать их регулярными.

Когда мы вернулись, в баки заливали горючее. Баранов, высокий, грузный, разговаривал с синоптиком аэропорта.

— Значит, дня на три зарядил? Волнение крепкое? — услышали мы его голос.

— Счастливых посадок, — прощаясь, сказал синоптик.

Баранов скрылся в летающей лодке. Скоро и мы с Нетаевым полезли туда и очутились в просторной кабине со стеклянным полукруглым верхом.

Подошел катер с начальником аэропорта, который решил сам отбуксировать лодку на старт.

Из кабины летчиков выглянул Костя, подмигнул нам и снова исчез.

Летающая лодка медленно плыла вслед за катером. Река была удивительно спокойна. В ее водах все еще отражалась золотистая заря.

Через стеклянный верх кабины было видно, как отбуксировавший нас катер быстро уходил к берегу.

Заревели моторы. Казалось, сейчас летающая лодка рванется вперед и пойдет в воздух. Наконец-то!

Через мгновение мы потеряли катер из виду. Мимо быстро плыли домики рыбацкого поселка, крохотные фигурки рыбаков на берегу. Потом перед нами открылась водная гладь, вдалеке появился едва видимый противоположный берег реки.

Лодка поворачивалась. Может быть, Баранов выбирал направление для взлета? Снова в поле зрения домики рыбацкого поселка, дом аэропорта, катер, направляющийся к берегу.

Лодка крутилась на месте. Зачем это? Что-нибудь не в порядке?

Появился Костя.

— Вальс танцуем, — объяснил он. — Моторы прогреваем. Сухопутный самолет, пока моторы прогреваются, стоит как вкопанный, а нам плясать приходится. Оно и веселее!

Мы сделали еще много оборотов в этом своеобразном танце. Могучая машина проверялась в последний раз. Пропеллеры ровно ревели.

И вдруг лодка рванулась вперед. Домики поселка остались позади. Вода от бурунов поднялась и закрыла стекла кабины. Казалось, мы погрузились в воду. Белая пена стремительно проносилась мимо окон.

Неожиданно волны исчезли. Лодка быстро набирала высоту, направляясь к открытому морю.

— «Сухуми», — сказал Нетаев.

Я посмотрел вниз. Там виднелся игрушечный парходик. Он стоял на рейде.

Было приятно рассматривать землю. Когда мы летели сюда, самолет все время шел над облаками.

Скоро и поселок, и устье реки, и парходик скрылись.

— Горы! — крикнул Нетаев.

Я обернулся. Позади нас из-за горизонта поднимались туманные очертания гор, похожих скорее на тучи.

— Урал, — сказал мне в самое ухо моряк.

— Урал? — поразился я. — Сколько километров?

— Сто.

Видеть за сто километров? Это казалось неправдоподобным.

Морская губа осталась позади. Внизу виднелся странный ландшафт. Не море ли это с плавающими на нем льдинами?

На зеленоватом фоне были разбросаны тысячи круглых и продолговатых разноцветных пятен — темно-зеленых, голубых, коричневых и белых. Некоторые из них извивались, как цветные ленты.

— Тундра, — бросил Нетаев.

Вот оно что! Значит, цветные пятна — это вода: бесчисленные лужи, озера, ручейки и реки. От почвы и глубины водоемов зависел их цвет.

Полуостров остался позади. Мы шли над полярным морем.

Вот они, льдины. Маленькие белые пятнышки, рассеянные по водному простору. Поразила странная геометрическая сетка, как бы своеобразная штриховка, нанесенная на воду.

Вышел Матвей Баранов и пригласил нас в жилую кабину — закусить.

— Это волны, — сказал он нам про загадочную сетку.

По стенам кабины были койки в два этажа. Мы уселись на нижние. Сверху опустили доску, подвешенную к потолку. Она заменяла стол.

Копченый омуль поразительно вкусная, нежная рыба.

— Получил задание лететь на Угаданный, — говорил Баранов. — Надо найти льдину с людьми.

— Почему же мы идем не на север? — спросил моряк.

Баранов вскинул глаза на Нетаева.

— У острова Угаданного шторм, — сказал он. — Высажу вас на остров Дикий.

Мы с Нетаевым переглянулись. Почему нас надо высаживать? Разве не проще вместе с нами лететь на остров Угаданный?

Баранов, ничего не объяснив, ушел сменить Костю, который очень беспокоился, что омуля съедят без него.

— На льдину с людьми мы только сверху посмотрим. На море шторм. Не сядешь, — рассказывал нам Костя, уплетая рыбу. — На бухте Дикого и то сесть трудно. Волнение, чтоб ему...

Показался остров Дикий. Мы сделали над ним круг. В бухте, отделявшей остров от материка, стояло на рейде несколько кораблей. На серо-голубоватых скалах приютились домики и мачта радиостанции. На противоположной стороне бухты виднелся порт.

Мы быстро снижались. На волнах белые гребешки. Костя озабоченно смотрел в окно.

И вдруг толчок. Нетаев полетел назад, ударился о переборку. Мимо окна пронеслась волна с седым гребнем, в следующее мгновение она куда-то провалилась. И опять удар...

— Вот это тряхануло! — неизвестно чему обрадовался Костя и скрылся в кабине летчиков.

В приоткрытой двери мелькнули лица бортмеханика и радиста.

Пол кабины уходил из-под ног...

— Нормальная морская качка, — удовлетворенно сказал Нетаев.

Я посмотрел в окно. Мы плыли по беспокойной бухте. Впереди вверх и вниз качались базальтовые скалы, два двухэтажных дома, высокая радиомачта, ветряк...

— Волнение балла три, — отметил Нетаев.

Я подумал об острове Угаданном.

— А там какво? — словно подслушав мои мысли, проговорил моряк.

К летающей лодке подошел и запрыгал на волнах катер. Нетаев передавал мне чемоданы.

Катер шел к берегу, зарываясь носом в волну. Брызги окатывали нас с головы до ног. Мы не спустились в каюту и наблюдали, как, выходя на старт, разворачивается летающая лодка.

Вот, прыгая на волнах, птица с распростертыми крыльями понеслась вперед. Сквозь вой ветра и шум моря мы слышали рев моторов. Могучая машина, перепрыгивая с гребня на гребень, уходила от нас. Еще несколько секунд, и между ней и волнами я заметил полоску серого неба.

Запрокинув головы, мы провожали глазами самолет.

Где-то там шторм. Оторванная от острова льдина плывет в туманном море. А на ней два человека...

— Баранов сбросит продовольствие, укажет, где они, — сказали нам на берегу. — На выручку пойдет «Георгий Седов», но...

— Трудно будет найти их в открытом море?

— Очень трудно. Почти невозможно...

«Георгий Седов» находился на севере моря. Нам с Нетаевым еще предстояло добираться до него с попутным пароходом. Если «Седов» уйдет к острову Угаданному, мы на него не попадем.

Мы бродили по острову Дикому. Кое-где у подножия скал лежал снег. Между камнями зеленели мох и низкая полярная трава. Я нашел несколько крохотных, сильно пахнущих цветочков. Под ногами шныряли лемминги — зверьки, похожие на крыс, только пестрые. Между их норками были протоптаны аккуратные дорожки.

Мы прошли в радиоцентр. Большой зал был наполнен стрекотом аппаратов. Радисты и радистки в наушниках сидели над ключами и пишущими машинками. Принимая на слух, они сразу печатали текст.

Нам показали радиста Грачева, поставившего рекорд на состязаниях полярных радистов. Он успевал принять на слух запись специального аппарата и напечатать на машинке невероятное количество слов в минуту, чуть ли не вдвое больше обычной машинистки.

Сейчас Грачев держал связь с островом Угаданным. Его крупное лицо с выдающимися скулами было нахмурено.

— Баранов прошел над островом. Идет, — бросил он через плечо подошедшему к нему начальнику смены, ненцу Вылке.

Вылка пошел к телефону... Глядя на него, я вспомнил рассказ Гали.

В Усть-Камне нам с Нетаевым поспать не удалось. Со времени вылета из Архангельска мы не ложились уже больше суток, но сейчас было не до сна. Каждая радиограмма Баранова тотчас передавалась по всему острову.

Через два часа после нашего прибытия все население острова Дикого собралось на берегу. Так бывает только во время авралов, когда приходят грузы.

Запрокинув головы, люди смотрели в небо.

Раздавались голоса:

— Только Матвей Баранов мог это сделать!

- Не поверю, пока сам не увижу.
- А видели, как он ударился, когда давеча садился на бухту?
- Вот потому и поверить не могу...
- Я сам принял радиограмму, — веско сказал Грачев.
- Летит! Летит!
- Сможет ли сесть? Не поломалось ли у него там что-нибудь?
- У Баранова-то?
- Все-таки... нет ли повреждений?

У Нетаева был морской бинокль. Я увидел летающую лодку. Она снижалась торопливо, без традиционного круга.

Скоро лодка пошла над верхушками волн. Вот она коснулась их, подскочила, словно подброшенная вверх, опять опустилась и понеслась по волнам, вздымая брызги.

- Сел! Сел! — закричали в толпе.

Летающая лодка с ревом пошла в маленькую бухту.

Увязая ногами в топкой почве, люди бежали к мосткам.

Навстречу плывущему самолету несяся катер.

На мостки причала поднялось несколько человек. Среди них был Костя. Он усердно размахивал руками.

— Который тут радист Панов? Механик Гордеев кто? — спрашивали в толпе.

— А вон в меховой куртке, высокий, с ружьем. Это и есть Гордеев. Мы с ним на острове Русском зимовали.

- Он оттуда и перебрался на остров Угаданный?

— Оттуда.

— А теперь сразу на Дикий попал. Два дня назад, наверное, и не думал об этом.

- Два часа назад не надеялся...

Взволнованные люди расступились.

Два полярника, в меховых куртках, с ружьями за плечами, попали в объятия встречающих. Мы с Нетаевым тоже подошли пожать им руки.

У спасенных были изнуренные, растерянно-радостные лица. Панов, маленький, курносый паренек, видимо впервые попавший на зимовку, был даже смущен таким сердечным приемом. Гордеев, костлявый, высокий, сконфуженно разматывал красный шерстяной шарф.

— Да мы за нерпой... собак кормить... Мы ненадолго... — отвечал он кому-то. — Как же нам теперь обратно, на Угаданный?

Обоих потащили в буфет — угощать.

— Мы омуля копченого наелись, — отнекивались они.

Сквозь толпу мы пробились к Косте. Блестя глазами, он в десятый раз рассказывал:

— Увидели их, когда облетали район острова. Баранов так рассчитал: если собака три часа назад вернулась — значит, они где-то тут, подле острова. Далеко их не унесло.

Подошел Грачев:

— А вы знаете, зачем они собаку ранили?

Все обернулись к нему.

— Хотели, чтобы она на станцию прибежала, дала бы знать, что они тут, близко. Нужно было переплыть полынью до берега. Собака не хотела уходить. Вот ее и ранили, чтобы убежала.

— Я сам об этом хотел рассказать, — перебил Костя. — Они ее пырнули ножом, вроде письмо послали: дескать, живы, близко. Вот их Баранов и нашел по обратному адресу.

— Но как вы сумели взять их на борт? — спросил Нетаев.

Костя посмотрел на него насмешливо.

— Помнишь, как нас навернуло в бухте при трех баллах?

Нетаев потер затылок.

— Потому Баранов вас и высадил. Не хотел с вами рисковать. Он уже решил садиться на воду в шторм.

— Вот этого я никак не пойму, — вставил Грачев. — Надо Баранова расспросить.

— Он и разговаривать об этом не станет. Не знаешь его? — возмутился Костя. — Я сам расскажу, как он это сделал. Видели сверху море, когда шторм? Оно все будто заштриховано.

— Да, да... я заметил, — вспомнил я.

— Это волны. Они бегут рядами. Каждая линия — гребень волны. Если такой гребень ударит лодку — гроб. При посадочной скорости — ей каюк.

— Как же Баранов?

— Сначала я сам ничего не понимал. Вижу, над самыми волнами идем. Пена на них такая... лохматая, серая. А Баранов выруливает, чтобы вдоль гребня идти. Ну и вырулил. Тут и я понял, что он делать хочет. Вижу, словно застыли под нами волны, остановились. По морю мы с ними с одной скоростью движемся... ну и перемещаемся, летим вдоль волны. Вот представьте, что вы вкось по перрону бежите, все время находясь против дверцы движущегося вагона. Так же и мы... Летим по морю вкось и все время над одной и той же волной. А волна здоровая, прямо как железнодорожная насыпь... Было бы волнение меньше — ни за что не сесть! А тут он сел прямо на гребень. Было где поместиться!

— Артист!

— Опустились мы на гребень без удара. Бить нас потом начало, когда мы потеряли скорость, с волны сошли. Ох, и било, ох, и качало... елки-палки! Думал, разобьет машину... Нет, ничего, сняли мы их с льдины. Крепко ребятки натерпелись. Глазам не верили, что мы сели... А в воздух поднялись вот как: подрулил Баранов севернее острова к двум ледяным полям. Между ними волнение уж не то было. Вот мы и взлетели.

— Теперь догоним «Седова»! — обрадовался Нетаев.

Потом мы увидели Баранова. Высокий, широкоплечий, прикрываясь полкой куртки, он закуривал. Бросив спичку, обернулся и протянул знакомый кожаный портсигар.

— Закурим, — сказал он улыбаясь.

Папиросы брали все, даже я, никогда не куривший.

Кстати сказать, из-за ветра или от чего другого, но никто не закурил.

Папироса летчика Баранова до сих пор хранится у меня в память об Арктике.